



ИСЧЕЗНУВШЕЕ СТЕКЛО

взятых, по толку не было никакого, ибо так у него росли волосы – во все стороны.

Когда на кухню в сопровождении мамы явился Дудли, Гарри уже бросил на сковородку яйца. Дудли был очень похож на дядю Вернона: такое же крупное розовослицо, отсутствие шси, те же водянистые голубые глазки и густые светлые волосы, ровной шапкой облепившие большую толстую голову. Тетя Петунья называла Дудли ангелочком – Гарри звал его «пшиг падел парик».

Гарри расставил тарелки с яичницей, что оказалось непросто; на столе почти не было места. Дудли тем временем подсчитал подарки. Лицо его помрачнело.

– Тридцать шесть, – сказал он, поглядев на родителей. – На два меньше, чем в прошлом году.

– Котинька, ты забыл посчитать подарочек от тети Марджи, видишь, вот он, под большой коробочкой от мамули с папулей.

– Ну хорошо, тридцать семь. – Дудли побавровел.

Сообразив, что грядет истерика, Гарри стал торопливо глотать бекон, а то как бы Дудли не перевернул стол.

Тетя Петунья, очевидно, тоже почувала опасность и затараторила:

– И мы купим тебе еще два подарка, когда пойдем гулять, да? Как тебе такое, пончик? Еще два подарочка. Хорошо?

Дудли задумался. Что для него явно было непросто. И наконец медленно выговорил:

– Так что у меня будет тридцать... тридцать...

– Тридцать девять, конфеточка, – подсказала тетя Петунья.

– Ага. – Дудли плюхнулся на стул и схватил ближайший сверток. – Тогда ладно.

Дядя Вернон одобрительно хмыкнул:

– Медвежонок знает себе цену – весь в папу. Молодчина, Дудли! – и взъерошил сыну волосы.

Зазвонил телефон. Тетя Петунья пошла ответить, а Гарри и дядя Вернон наблюдали, как Дудли распаковывает гопочный велосипед, видеокамеру, самолет с дистанционным управлением, шестнадцать новых компьютерных игр и видеомагнитофон. Он уже срывал обертку с золотых наручных часов, когда вернулась тетя Петунья, сердитая и озабоченная.





ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ХРАНИТЕЛЬ КЛЮЧЕЙ

БУМ! Стукнули еще раз. Дудли подскочил.

– Где пушка? – глупо спросил он.

Сзади раздался грохот, словно кто-то упал с кровати, и дядя Вернон, буквально тормозя пятками, въехал в комнату. В руках он держал ружье – так вот что скрывалось в длинном свертке!

– Кто здесь? – выкрикнул он. – Учтите, я вооружен!

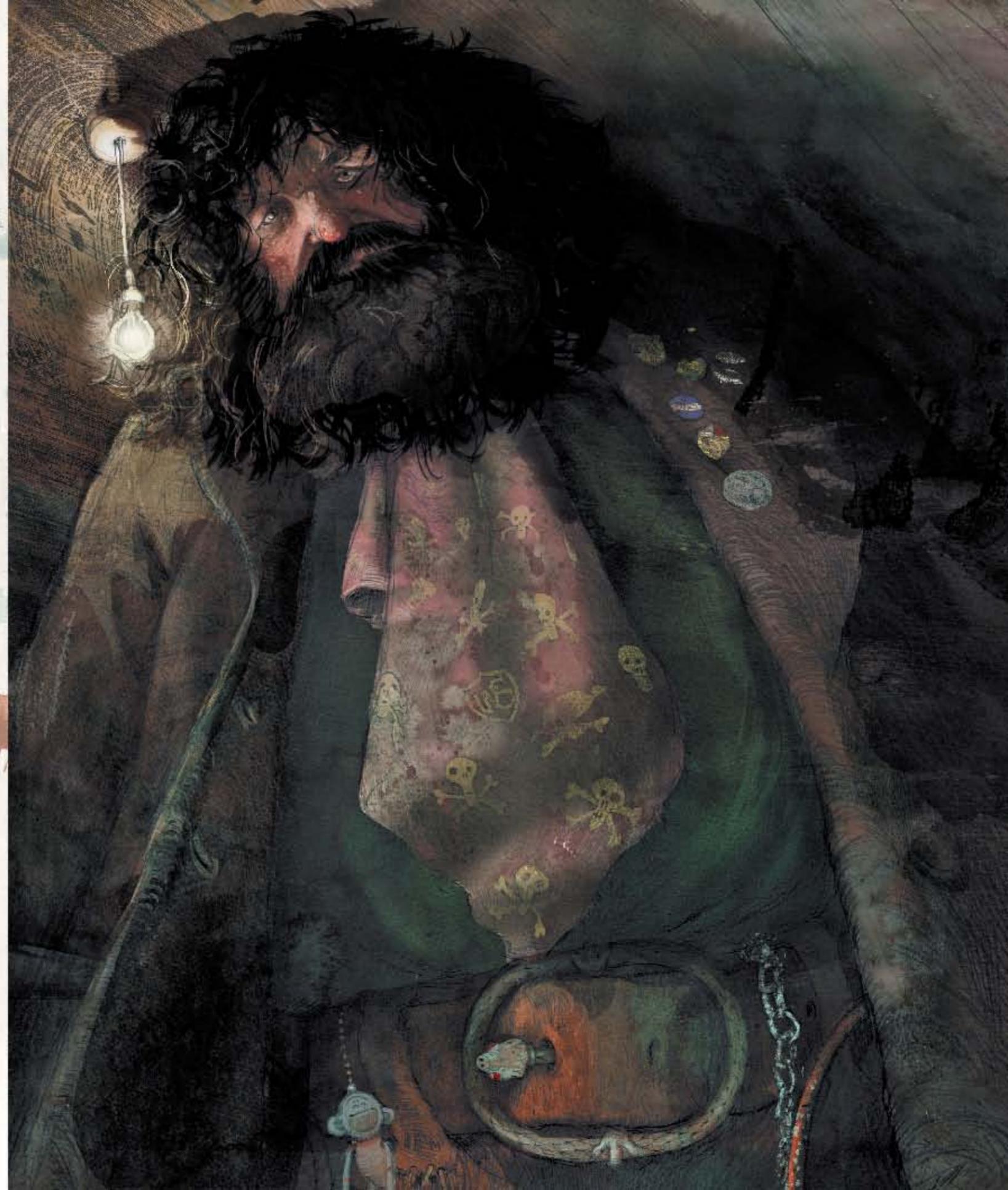
Короткая пауза, а затем...

ШАРАХ!

По двери вмазали с такой невероятной силой, что она слетела с петель и с оглушительным грохотом рухнула на пол.

На пороге стоял великан. Огромная физиономия почти совсем скрывалась в густой гриве спутанных волос и длинной неряшливой бороде, но глаза все-таки можно было рассмотреть: во всем этом волосяном буйстве они блестели, словно два больших черных жука.

Гигант протиснулся в хижину, сильно пригнув голову, и все равно подмел



полярные» несло глухое низкое уханье. Несколько мальчишек, сверстники Гарри, стояли, прижав носы к витрине с метлами. Один говорил:

– Гляньте! «Нимбус-2000» – последняя модель, самая скоростная...

На Диагон-аллее торговали мантиями и плащами, телескопами и странными серебряными инструментами, каких Гарри никогда раньше не видел, в витринах стояли бочки с селезенкой летучей мыши и глазами уря, висели шляпки бабши

книг с заклинаниями, лежали гусиные перья, пергаментные свитки, виднелись стекляшки снадобий, лунные глобусы...

– «Гринготте», – провозгласил Огрид.

Они подошли к снежно-белому зданию, возвышавшемуся над соседними лавками. У начищенных до блеска бронзовых дверей в пурпурно-золотой ливрес стоял...

– Ага, это гоблин, – кивнул Огрид, когда они направились к нему по белым ступеням.

Гоблин был примерно на голову ниже Гарри. Смуглое умное лицо, острая бородка и очень длинные пальцы и ступни. Когда Огрид и Гарри входили, гоблин поклонился. Теперь они оказались перед внутренними дверями, на сей раз – серебряными, и на створках были выгравированы следующие слова:

*Восшествуй, незнакомец,
но прими в расчет:
Того, кто алчностью грешит,
возмездье ждет,*

*Богатство без труда ты хочешь получить –
Недешево за то придется заплатить.
Сокровище, что в подземелье мирно спит,
Тебе, запомни, не принадлежит,
Вор, трепещи! И знай, что кроме клада
Найдешь там то, чего тебе не надо.*

– Я ж говорю, сюда только полоумный сунется, – заметил Огрид.

Двое гоблинов поклонились им у серебряных дверей – и Гарри с Огридом очутились в огромном мраморном зале. За длинной стойкой на высоких табуретах



Наверняка в столь секретной ячейке хранится нечто суперважное. Гарри с любопытством подался вперед, ожидая увидеть по меньшей мере груды алмазов, но в ячейке – по крайней мере, на первый взгляд – ничего не было. Потом он заметил на полу небольшой грязноватый сверток в коричневой бумаге. Огрид подхватил его и спрятал куда-то под плащ. Гарри очень хотелось узнать, что же в свертке, но он сдержал любопытство.

– Ну что, пазад в адскую громышалку? И не разговаривай со мной по дороге – мне лучше пасть не открывать, – сказал Огрид.

Кое-как пережив ужасы обратной дороги, они вновь стояли за дверями «Гринготтса», щурясь на ярком солнце. Гарри не знал, куда и бежать, раз у него в сумке полно денег. Ему не требовалось знать, каков обменный курс галлона к фунту, он и так понимал: у него в жизни не бывало столько денег – даже Дудли столько и не спилось никогда.

– Надо б тебе форму сироворить. – Огрид мотнул головой в сторону «Мадам Малкин – Мантии на все случаи жизни». – Слушай, Гарри, ты не против, если я заскочу в «Дырявый котел»? А то взбодриться бы. Терпеть не могу эти проклятые банковские телсжки.

Он и впрямь выглядел бледно, поэтому Гарри, сильно волнуясь, отправился к мадам Малкин один.

Та оказалась приземистой улыбчивой ведьмой, одетой в розовато-лиловое.

– Идешь в «Хогварц», милый? – перебила она его невнятное лопотание. – Здесь все, что нужно, – и вот, кстати, еще один молодой человек на примерке.

В глубине магазина на низкой табуретке стоял мальчик с бледным, острым лицом, а вторая ведьма подкалывала булавками подол его черной мантии. Мадам Малкин поставила Гарри на табурет рядом, надела ему через голову платье и начала укорачивать.

– Привет, – сказал мальчик. – Тоже в «Хогварц»?

– Да, – кивнул Гарри.

– Мой папа в соседнем магазине покупает учебники, а мама смотрит волшебные палочки на том конце улицы, – сообщил мальчик. Говорил он скупающе, манерно. – А потом я их потащу смотреть гоночные метлы. Не понимаю, почему первоклассникам их не разрешают. Все-таки заставлю отца купить и уж как-нибудь протащу в школу.

Гарри отчетливо припомнился Дудли.

– А у тебя есть метла? – приставал мальчишка.

– Нет, – ответил Гарри.

– А в квидиш-то хоть играешь?

– Нет, – снова ответил Гарри, гадая, что это за штука такая, квидиш.

– А я играю. Папа говорит, преступно будет, если меня не выберут играть за мой колледж, и я, должен сказать, с ним согласен. Ты уже знаешь, в какой колледж идешь?





что Ловчие обычно – самые маленькие и быстрые игроки и, похоже, сильнее всех калечатся; что на матчах игроки погибали редко, зато судьи, бывало, исчезали неведь куда и обнаруживались много месяцев спустя в пустыне Сахара.

После спасения от горного тролля Гермиона перестала фанатично соблюдать школьные правила и сделалась куда приятнее. Накануне первой игры они втроем мерзли во дворе на перемете, и Гермиона сотворила ярко-синий огонь, который можно было носить с собой в банке из-под джема. Они стояли спинами к банке и грелись. Мимо проходил Злей. Гарри сразу заметил, что он прихрамывает. Троица сгрудилась, чтобы загородить огонь: наверняка это запрещено. К несчастью, их виноватый вид привлек внимание Злея, и он подковылял ближе. Огня не заметил, но все равно явно искал повод придираться.

– Что это у вас там, Поттер?

Гарри показал ему «Квидиш сквозь века».

– Библиотечные книги не разрешается выносить из здания школы, – объявил Злей. – Давайте сюда. Минус пять баллов с «Гриффиндора».

– Он это правило выдумал только что, – сердито проворчал Гарри, когда Злей захромал прочь. – Интересно, что у него с ногой?

– Понятия не имею, но надеюсь, что болит сильно, – едко ответил Рон.

В тот вечер в гриффиндорской гостиной было шумно. Гарри, Рон и Гермиона сидели у окна. Гермиона проверяла у мальчиков домашние задания по чарам. Она никогда не давала списывать («Как же вы научитесь?»), но они нашли к ней подход: просили проверить и все равно узнавали правильные ответы.

Гарри было беспокойно. Вот бы вернуть «Квидиш сквозь века», отвлечься от мыслей о завтрашнем матче... А вообще, с чего ему бояться Злея? Гарри встал и сказал, что пойдет и попросит книгу обратно.

– Флаг в руки, – в один голос заявили Рон и Гермиона. А Гарри подумал, что Злей вряд ли откажет в присутствии других учителей.

Он добрался до учительской и постучал. Ему не ответили. Он снова постучал. Тишина.

Может, Злей оставил книгу там? Надо посмотреть. Гарри приоткрыл дверь, заглянул – и глазам его предстала жуткая сцена.

В учительской были двое – Злей и Филч. Злей приподнимал мантию чуть выше колен. Одна нога у него была изгрызена и вся в крови. Филч протягивал Злею чистые бинты.

– Гнусная тварь, – говорил Злей. – Как, скажите на милость, уследить за тремя головами одновременно?

Гарри хотел было тихонько притворить дверь, но...



И он покосился на Гарри. Краббе и Гойл гаденько захихикали. Гарри, отмерявший толченые позвонки скорлупы-ерша, не обратил на них внимания. После квидишного матча Малфой сделался попросту невыносим. Возмущенный поражением «Слизерина», он шутил, что в следующий раз Ловчим возьмут не Гарри, а древесную лягушку – у той рот шире. Но в конце концов даже он понял, что никому не смешно – до того все восхищались Гарри: как он удержался на взбесившейся метле! Злясь и завидуя, Малфой успокоиться не мог и вернулся к проверенным издевкам – про сиротство Гарри.

Гарри и правда не собирался домой на Рождество. На минувшей неделе профессор Макгонаголл составляла список тех, кто останется на каникулы в школе, и Гарри записался первым. Он ничуть себя не жалел – напротив, предвкушал лучшее Рождество в жизни. Тем более что Рон с братьями тоже оставались: мистер и миссис Уизли уезжали в Румынию навестить Чарли.

Выходя из подземелья после урока зельеделия, Гарри и Рон обнаружили, что по коридору не пройти – его перегораживала огромная елка. Она громко пытела, и из-под нее торчали громадные ноги – нетрудно было догадаться, что ее тащит Огрид.

– Привет, Огрид. Помочь? – спросил Рон, сунув голову в ветви.

– Не-а, все путем, спасибочки, Рон.

– А пельзя ли слегка подвинуться? Пройти невозможно, – раздался сзади холодный, с растяжкой голос Малфоя. – Что, Уизли, решил подзаработать? Собираешься после школы в дворники? Что ж, Огридова лачуга – дворец по сравнению с конурой твоей ссмейки.

Рон ринулся на Малфоя, и тут на лестнице появился Злей.

– УИЗЛИ!

Рон отпустил Малфоя, которого успел схватить за грудки.

– Уизли не виноват, профессор Злей. – Огрид высунул между еловых лап косматую физиономию. – Малфой его родню оскорблял.

– Это как угодно, но драки в «Хогварце» запрещены, Огрид, – слыно отвечивал Злей. – Минус пять баллов с «Гриффиндора», Уизли, и скажите спасибо, что не больше. Ну же, проходите, что встали?

Малфой, Краббе и Гойл, самодовольно ухмыляясь, протиснулись мимо елки, засыпав пол хвоей.

– Я ему покажу, – сказал Рон, скрипнув зубами и глядя вслед Малфоя. – Скоро он у меня дождется.

– Обоих ненавижу, – произнес Гарри, – и Малфоя, и Зля.

– Да ладно, бросьте вы! А ну гляди веселей! Рождество на носу! – приободрил их Огрид. – Слышите чего, поплите-ка Большой зал глянем – там, скажу я вам, каргипка!

Миссис Уизли им улыбнулась:

– Интересный был год?

– Очень, – ответил Гарри. – Спасибо за помадку и свитер, миссис Уизли.

– Не стоит, милый, пустяки.

– Готов, ты?

Это произнес дядя Вернон – как всегда багроволицый, как всегда усатый, как всегда возмущенный наглостью Гарри: гляните на него, тащит огромную клетку с соей по вокзалу, а тут обычные, нормальные люди ходят. Позади стояли тетя Петунья и Дудли – похоже, перепуганные.

– Вы, должно быть, родственники Гарри! – сказала миссис Уизли.

– В некотором роде, – буркнул дядя Вернон. – Поторопись, парень, не весь же день нам тут торчать. – И ушел.

Гарри задержался попрощаться с Роном и Гермионой.

– Значит, увидимся летом.

– Желаю тебе... э-э... хорошо отдохнуть. – И Гермиона неуклюже поглядела вслед дяде Вернону – бывают же такие феноменально грубияны.

– Ой, уж я постараюсь, – ответил Гарри, и друзья удивились, увидев, что по его лицу расплывается торжествующая улыбка. – Они-то не знают, что нам нельзя колдовать дома. Мы с Дудли славно позабавимся этим летом...

